

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА. ПРОЗА
**АЛЕКСАНДРА
МЕЛИХОВА**

И НЕТ ИМ ВОЗДАЯНИЯ

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛИЛИТ

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

СВИДАНИЕ С КВАЗИМОДО

КРАДЕНОЕ СОЛНЦЕ

РОМАН С ПРОСТАТИТОМ

ЗАЗЕМЛЕНИЕ

В ДОЛИНЕ БЛАЖЕННЫХ

ТРИЗНА

АЛЕКСАНДР
МЕЛИХОВ

ТРИЗНА

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М47

Оформление серии *Петра Петрова*

Издательство благодарит Наталью Перову
за помощь в приобретении прав.

Мелихов, Александр.

М47 Тризна / Александр Мелихов. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Большая литература. Проза Александра Мелихова).

ISBN 978-5-04-112785-5

«Александр Мелихов прославился «романами идей» — в этом жанре сегодня отваживаются работать немногие... В своём новом романе Александр Мелихов решает труднейшую задачу за всю свою карьеру: он описывает американский миф и его влияние на русскую жизнь. Эта книга о многом — но прежде всего о таинственных институтах, где ковалась советская мощь, и о том, как формировалось последнее советское поколение, самое перспективное, талантливое и невезучее. Из всех книг Мелихова со времён «Чумы» эта книга наиболее увлекательна и требует от читателя минимальной подготовки — достаточно жить в России и смотреть по сторонам».

Дмитрий Быков

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112785-5

© Мелихов А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

«Замечательный писатель Александр Мелихов написал свой главный роман. Грандиозные события, проехавшиеся по нам в последние десятилетия, уже начали закрываться туманом забвения, фотографиями собачек и тортиков на экранчиках смартфонов. И вдруг — роман Мелихова «Тризна», траурные проводы исчезнувшей было Вселенной — огромной, опасной, и что самое тревожное — состоящей из наших жизней, прожитых нами. Великое поколение! Сколько раз мы подвергались опасности, в том числе и со стороны нашего государства, как мы рисковали — и все равно в результате делали то, что хотели, что считали нужным. Сейчас так никто не может! Великое поколение, победившее тоталитаризм... и погубленное наступившей после него эпохой, которой до сих пор так и не удалось подобрать названия. Какие звезды сверкали в прежней Вселенной! В романе вокруг его эпицентра, главного героя Олега, какие траектории накручивают персонажи — казахи, евреи, русские, каждый со своим национальным характером, со своей придурью и главным страстным желанием — состояться. И ведь ничего не боялись! А если и боялись, то все равно делали. А какие женщины... Эх, мне бы! Жаль, не попались — а таких уже нет.

Последнее творение Мелихова счастливо сочетает в себе основательность советского производственного романа, лихость западного боевика и вестерна, страстность и высокую художественность русской классики: все сошлось здесь в бешеном хороводе, из которого не вырвешься, пока не кончится этот роман. Его, безусловно, можно поставить в ряд самых больших литературных событий всех времен. Не зря мы жили, если о нас пишут такие романы! Чувство нашей полноценности возвращается. Автор отыскал нашу гордость, затерявшуюся на дороге, в пыли, и, начистив ее до блеска, вручает нам».

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

«Александр Мелихов — один из самых бесстрашных писателей. Мало кто в литературе сегодня решается с такой хирургической прямоотой развенчивать мифы, кого бы они ни касались и кому бы ни принадлежали. Под его неумолимым скальпелем расползаются национальная гордость, стерильная любовь, высокий долг... и на юру под холодными ветрами скотской нашей жизни остается просто человек — беззащитный, мятущийся, частенько жалкий... но все же безумно желающий любви, понимания, толики ласки.

Вот это сочетание беспощадности и сострадания создает неповторимую интонацию талантливой прозы Александра Мелихова, — интонацию, которой не поверить нельзя».

Дина Рубина

«Как всегда у Мелихова, сюжет сам по себе не так уж и важен. Он служит не более чем наживкой, заглотив которую читатель внезапно обнаруживает себя посреди сложнейшего лабиринта мыслей, образов и ассоциаций. И выйти из этого лабиринта таким же, каким вошел, уже непросто».

Галина Юзефович

«Проза Мелихова для тех, кто ищет в литературе потаенных жизненных смыслов, мучительных загадок бытия и ради этого не боится преодолеть собственное чувство стыда. Душевный результат его прозы опрокидывает методы. Человек жалок, но именно поэтому нуждается в удвоенном, утреннем милосердии. ...Александр Мелихов — один из самых ярких и интересных прозаиков и публицистов, проживающих в Петербурге».

Павел Басинский

«Александр Мелихов прославился «романами идей» — в этом жанре сегодня отваживаются работать немногие... В своем новом романе Александр Мелихов решает труднейшую задачу за всю свою карьеру: он описывает американский миф и его влияние на русскую жизнь. Эта книга о многом — но прежде всего о таинственных институтах, где ковалась советская мощь, и о том, как формировалось последнее советское поколение, самое перспективное, талантливое и невезучее. Из всех книг Мелихова со времен «Чумы» эта книга наиболее увлекательна и требует от читателя минимальной подготовки — достаточно жить в России и смотреть по сторонам».

Дмитрий Быков

«Я очень люблю и ценю книги Александра Мелихова. У него удивительное качество выделки текста, все эти мелкие детали, ракурсы, оговорки, мимолетные размышления создают ауру, атмосферу, присущую только Мелихову. Где бы ни оказывались его герои — на далекой таежной шашке, в научной лаборатории, в кафе, школьном спортзале, армейской казарме, на крыльце дома престарелых и даже просто в компании друг друга — они всегда остаются мелиховскими героями, чем-то похожими на самого автора — самоедами, интеллектуалами, скептиками, философами. И еще — неисправимо советскими людьми, которых не изменили ни тридцать лет постсоветской истории, ни сменяющие друг друга литературные моды. *Мелихов – настоящий медиум советского в отечественной литературе, способный вызывать голоса и образы из эпохи, которую уже мало кто помнит, и возвышать их до общечеловеческих смыслов*».

Владислав Толстов

«Александр Мелихов в современной литературе — один из наиболее глубоко и нетривиально думающих писателей. Задачи, которые он ставит перед собой, не просто исследование явлений, но поиски путей выхода из фундаментального психологического кризиса, в который загнал себя человек».

Яков Гордин

«Тризна» — вдохновенный, масштабный роман живого классика петербургской школы. Здесь сталкиваются гигантские континенты, великие исторические эпохи, откликающиеся в судьбах людей, завязываются в плотный узел непримиримые идеологии. И вся эта материя разворачивается в напряженных сюжетных линиях и жестком ритме слов, заряженных мощной электрической энергией. Остается лишь поблагодарить автора за те часы удовольствия, которые нам доставляет его проза».

Андрей Аствацатуров

«Интеллектуальную прозу Мелихова можно назвать социальным камертоном. ...Самое опасное, считает герой Мелихова, когда в обществе побеждает простота утилитарности и греза начинает служить реальности: высшее — низшему. Протестуя против этого, Мелихов служит своей главной идее: не стремясь к высокому, не возвышая жизнь, человек будет навсегда отрезан от бессмертия. А значит — обречен».

Мария Бушуева

ПРЕМИИ:

- Набоковская премия Союза писателей Петербурга (1993)
- Премия петербургского ПЕН-клуба (1995)
- «Студенческий Букер» (2001)
- Премия им. Гоголя (2003, 2009, 2011, 2017)
- премия правительства Санкт-Петербурга (2006)
- Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо»
- Премия журнала «Полдень, XXI век» (2008)
- Премия фонда «Антифашист»
- Победитель международного лермонтовского конкурса «Белеет парус одинокий»
- Премия журнала «Иностранная литература» (2015)
- Премия журнала «Звезда» (2017)
- Премия журнала «Зинзивер» (2017)
- Трижды финалист «Русского Букера»

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ МЕЧТЫ

Восточная стена форта считалась неприступной, а потому никем не охранялась. Но на последних шагах ему вдруг открылась темная, крадущаяся навстречу фигура, и он еще успел отметить ее стройные узкие бедра...

Однако он недаром когда-то днями напролет резался в гордки: метнув томагавк горизонтально, словно баталку, он угодил часовому точно в горло, так что тот даже не успел вскрикнуть, – и только тогда до него дошло, что это была его собственная тень: солнце только-только проглянуло из-за горизонта своим огромным багровым краешком (промелькнуло, что угловой размер солнца неизменен, просто при восходе и закате мы невольно сравниваем его с разными земными предметами на горизонте).

Тревога была ложной, и все-таки томагавк вонзился в точности куда надо – между нижним брусом и обвязочной плахой, намертво насаженной на сваи, – вот и готова первая ступенька.

Однако он тут же понял, что если даже томагавк выдержит его вес, все равно непонятно, как его высвободить, когда он будет на нем стоять или даже на чем-то повиснет (он знал, на чем). Он вышталал отточенное лезвие из щели и надежно засунул рукоятку за спину, за широкий ковбойский пояс из толстой седельной кожи. Дальше приходилось надеяться только на два мексиканских стилета. Он не раз убеждался, что если их засадить достаточно глубоко, то они

легко выдерживают его вес, но он не раз убеждался и в том, что самое худшее всегда случается не в учении, а в бою. Единственное, на что в какой-то мере можно надеяться, это собственное тело. И те дни и часы, когда он до судорог учился подтягиваться на одной руке, не прошли даром: повиснув на рукоятках вбитых в очередную щель стилетов, он высматривал в пределах досягаемости новую щель, осторожно вышатыривал левый клинок, подтягивался на правой руке (на левой он этому так и не выучился) и точным ударом левой обретал новый плацдармик для следующего броска.

Передохнуть он себе позволил лишь у самого верхнего среза стены, чтобы перемахнуть единым прыжком. Затем ухватился за кромку сначала правой рукой (его пальцы на неохраняемом участке часовые вряд ли заметят), осторожно высвободил левый стилет и опустил его в карман камуфляжного бушлата вниз полированной рукояткой из красной секвойи, затем, качнувшись, ухватился за край стены левой рукой и проделал то же самое с правым стилетом (не думать, не думать о высоте под ногами!). Затем собрался с духом (если фашистов не остановить здесь, в Америке, они подомнут весь мир, Америка не Испания...) и без малейшего усилия подтянулся на руках, закинул на стену сначала правый, затем левый локоть, отжался и сел на стену верхом, готовый при первом опасном движении метнуть стилет и скатиться на строительные леса, проложенные внутри вдоль стены.

— Наш лазун! — любовно приветствовал его оранжевый Анатолий, и Олег оказался на стройке, где все шло своим чередом: братва с ножовками и стамесками восседала, как и он, верхом на стене (его стилеты в карманах ватника тоже незаметно преобразились обратно в стамески) или копошилась внизу на светящейся свежим деревом решетке лаг для будущего пола, настилать который будут уже без них. А когда уж в этой будущей зале, на этой новаторской заполярной ферме поселятся коровы, знает только Клио. Или даже музе Истории известно только прошлое? А будущее известно лишь советским людям:

кто-то решил, что в Заполярье должно быть свое молоко, и значит, это наступит так же верно, как и то, что на Марсе будут яблони цвести.

Олег знал, что над всеми начальственными начинаниями полагается насмешничать, но в глубине души он был бы совсем не прочь, чтобы на Марсе расцвели яблони, в тундре рядом с оленьими стадами начали пастись коровы и он бы мог про себя подумать: и моего здесь капля меду есть. А между тем прощальная панорама тундры, оттого что она была прощальная, светила совсем уже неземною красой. Когда еще не забывшие питерскую июньскую жару они высаживались на берег Клондайка, как они окрестили этот приток грандиозной сибирской реки, еще прежде переименованной в Юкон, тундра проглядывала рыжизной из-под сверкающего сверхплотного наста, дальние горы сияли вечными снегами, а среди ледникового озерца, на которое потом все лето то садился, то взлетал этажерочный гидропланчик, плавала обширная асфальтовая оладья; когда через месяц они с Юрой Федоровым ходили в ночное на уток, им приходилось продираться сквозь зеленые кусты к шапочкам тумана, поднимавшимся над каждым водным зеркальцем, а сейчас все та же тундра светится алым, золотым, фиолетовым, аметистовым, перемежаясь седыми коралловыми полянами ягеля, на которые изредка выбредают стайки оленей, сплетающиеся рогами, словно окаменелые кустарники, оцетинившиеся каменными когтями. (Первопроходцы стреляли их с вездеходов, — но насколько же завлекательнее звучит: джип! — затем приподнимали за рога и, если туша казалась недостаточно жирной, стреляли следующего, — это так печально, когда хорошие люди творят мерзости...) Но с каждым днем бескрайние россыпи самоцветов все заметнее поглощаются всевозможными оттенками ржавчины вплоть до гор, погружающихся в нежнейшую голубизну (а извивы снега в распадах так за все северное лето до конца и не истаяли...). Ненадолго отступивший Рокуэлл Кент снова вступал в свои права — любой хоть чуточку от-

даленный предмет вновь начинал овеиваться едва заметным сизым ореолом. А из-за дальних гор все ощутимее дышали холодом вечные льды Северного Ледовитого, куда неумоимо нес свои выпуклые воды могучий Юкон.

Но весь этот космос вошел в него единым вдохом и тут же исчез — в присутствии друзей все мироздание стягивалось к ним. Потому что это были лучшие парни в мире, великолепная дюжина. Все они пришли в науку не за какими-нибудь интегралами и протонами — за участием в Истории, как когда-то шли в конкистадоры или в народо-вольцы. А сейчас История творится у них на факультете, на ее зов, по ее силовым линиям туда и потянулась такая гениальная мужичина-деревенщина, как Обломов, породивший уже и собственное гравитационное поле.

Нет, Обломова в науку привела беда. Смысленный колхозный пацан (мать доярка, отца убили на войне) учится на колы и двойки, тем более что в школу нужно таскаться за пять верст, а он в пятнадцать лет разбирает и чинит любой мотор, квасит на равных со взрослыми механизаторами и на равных вваливается в правление качать права насчет запчастей; председатель налаживает его в шею, *Облом* подкидывает под председательское крыльцо откопанную в еще не заплывших окопах ржавую гранату, а граната возьми да и взорвись в воздухе. В ленинградском интернате для слепых Володька впервые только и заинтересовался, про что же там все-таки пишут в учебниках. Через год он был чемпионом Ленинграда по физике и математике (после награждения, сходя со сцены, не рассчитал ступенек и начал падать, но прыгнул на руки, сделал кульбит и снова оказался на ногах), еще через четыре досрочно и триумфально защитил уже опубликованную дипломную работу, а еще через два кандидатскую диссертацию, на том же совете перекрещенную в докторскую: посеченный осколками кряжистый колхозный гений открыл, почему в детерминированном мире работает теория вероятностей, сумел раскопать в хаосе кучу скрытых констант, — теперь это называется принципом Обломова.

Но колхозному хлопцу, мечтавшему когда-нибудь заделаться директором машинно-тракторной станции, всеми этими заоблачными абстракциями можно было заниматься только с очень большого горя, дело настоящих мужиков — налево достать запчасти и в соседнем колхозе обменять на самогонку, на колхозном тракторе, заправленном колхозной горючкой, вспахать бабам огороды и огрести за это три мешка картошки, а у тех, кто помоложе, и натурой прихватить... Ученую братию он так и продолжал считать маменькиными недоделками, уважал он только тех, кто ворочал тыщами народу, составами металла, гроздьями боеголовок, и потому его так и не удалось втянуть в научное фрондерство: ну и что, что вы умнее в своих закорючках? — они вами командуют, а кто командует, тот и умный. Подкусывать ухмылками из-под лавки — это было не для Облома: недоволен — подкинь гранату под крыльцо или заткнись. И когда Обломов пробился в любимые советники генералов и генеральных конструкторов, «чистые» ученые напрасно брюзжали о его карьеризме: он пробивался не в начальники, он пробивался в творцы истории.

И кому же было, как не Обломову, объединить в своем «Интеграле» (сам-то он понимает, что название пошло-вато, но для газетчиков в самый раз), так сказать, науку и, так сказать, жизнь? По части науки доложить на его семинаре рвутся умники от Берлина до Анадыря, и всегда оказывается, что он в курсе всего, из сложнейшего нагромождения умеет извлечь какой-то скелет, о каком и сам автор не догадывался. Иной раз этим скелетом уничтожалась вся работа: тут всего-то и делов — точка, точка, запятая...

Но иногда Обломов дает уроки... как бы это выразиться... не только науки, но и жизни. Если даже докладчик представляет диссертацию от нужного человека, от нужной конторы, Обломов все равно начинает строго. Он сидит за первым столом, и лица его не видно; впрочем, оно всегда непроницаемо, даже когда он шутит, только

как бы нервно подрагивают углы губ. «О чем у вас первая глава? Так-так... Подпространство... Ядро... Разложим... Ортогональная проекция... Итоговая формула такая?» Кажется, что Обломов играючи жонглирует десятипудовыми гирями. «Такая», — упавшим голосом сознается докладчик. «Хорошо. Вторая глава?» — «Я рассматриваю нелинейный случай...» — «Так, раскладываем в ряд... Матричная экспонента... Ага, возникает периодичность... Значит, сходится за конечное число шагов?» — «Да», — жертва окончательно раздавлена. «Третья глава у вас последняя? В ней что? Приближенный метод при ограничениях? При ограничениях приближенного решения нет, есть или точное, или никакого, поправьте там у себя. У вас все?» — «Все», — голос казнимого почти не слышен, он пять лет над этим диссером корпел... «Кто у нас сегодня секретарь? Запишите: работа представляет важное научно-практическое значение и заслуживает присуждения...»

Поняли? То была наука, а теперь началась жизнь.

А через неделю Обломов разъясняет железнодорожнику устройство тепловозного тормоза, а еще через неделю — авиаконструктору устройство высотомера, — чего-то они там недоглядели. А седая грозная шишка из Госплана, перед которой бегут на рысях две заполошные немолодые шестерки: «Где академик Обломов?.. Где академик Обломов?!.» — эта шишка после получасового выступления Обломова разнеженно приглашает Обломова на работу в Госплан: «Вы лучше всех моих подчиненных в экономике разбираетесь!» И правда, кажется, что Обломов всю жизнь только лабудой и занимался. Отраслевое планирование, территориальное планирование, в денежных показателях, в натуральных показателях, валовая продукция, реализованная продукция, рентабельность, предельная полезность...

Обломов диктует, кто-то из приближенных постукивает мелом по доске, но это именно приближенные соратники, а не шестерки. И чего бы только Олег не отдал, чтобы послужить гению хотя бы мелом! И надо ли удив-

латься, что Москва в конце концов передала все институтские лаборатории, где что-то делают руками, под руку Обломова. Обломов побывал и в Совете министров, у Косыгина, что ли. Олег никак не мог запомнить никчемные имена тусклых личностей, которых носят на палках во время демонстраций, а Обломов называл Косыгина Алексеем Николаевичем, с некоторой даже наставительностью рассказывал, что тот принял его в восемь утра, уделил ровно пять минут и за эти пять минут все понял и решил.

«Вот если бы все у нас так работали!..» — и это тоже был урок жизни: ученой братии совсем не обязательно о тех, кто наверху, говорить с насмешкой.

Боярский, правда, пробормотал: «Толку от их работы...» — пробормотал себе под орлиный нос, но ведь слепые, говорят, обладают феноменальным слухом... Зря Котище заедается.

Обломов настолько грандиозен, что давно заставил всех забыть о своем безвольном литературном однофамильце: у них в бригаде, да и во всем институте, Обломов один. Про его «Интеграл», собирающий в единый кулак все науки со всеми практиками, говорят только так: обломовская контора, работает у Обломова... Судьба как будто нарочно наградила колхозного гения такой архетипической фамилией, чтобы вскрыть ее глубинный смысл: он не из тех Обломовых, которых жизнь обламывает, а из тех, которые обламывают ее сами. И напрасно завистники пытаются окрестить обломовскую команду обломками, — даже и они чувят в Обломове и его спутниках недоступную для них причастность к чему-то великому.

«И как же нам повезло, что мы оказались в зоне его притяжения!..»

А в груди что-то неприятно сжалось: в последний день перед шабашкой Обломов обращался к нему с утонченной вежливостью, на «вы», хотя за день до того попросил совершенно по-отечески: «Не в службу, а в дружбу, Олег Матвеевич, слови для меня такси», — Обломов всех назы-